

В ФИЛЬМЕ «Дворянское гнездо» есть один эпизод. Эпизод сам по себе вызывает немало нареканий — зачем он понадобился в экранизации тургеневского романа? Это эпизод у барышника.

Барышника играет Николай Губенко. Не знаю точно, но, наверное, не больше семью минут экранного времени дано актеру. Сколько успеет он рассказать о своем барышнике за эти минуты! Крепко сбитый, хитрющий мужик, пройдоха, привык вышибать деньги из этих хлипких дворянчиков. Но ведь и какое наслаждение получает он, отглаживая бархатные бока рысаков! Грех ли просить и получать за них вдвое, втрое?

Но здесь и он ошел — когда за жеребчика, какому красная цена три тысячи, вдруг в азарте кидают десять.

Он и сам не верит чуду — хоть и крепкий мужичок...

Наверное, всякий, кто видел фильм «Первый курьер», запомнил Яшу-Барончика. Это тоже Губенко. Тоже эпизод. Но какой! Актер прямо купается в роли, нигде не переигрывая, не пережидая, — свобода его полная, органичная.

И все же — эпизоды, эпизоды. И это после Блюхера в фильме «Пароль не нужен». Почему? Ведь совсем недавно в Театре на Таганке Губенко был ведущим актером. А в кино?..

Помню, первый раз мы встретились с Николаем Губенко, когда еще только готовился спектакль «Пугачев». Он появился разгоряченный репетиций, с мокрыми после душа волосами. В черном глухом свитере и джинсах. Вполне современный парень. И этот будет играть Емельяна Пугачева — того памятного нам всем по Пушкину чернобородого, хитрого мужика?

Вспоминается Губенко — Ян Сун в «Добром человеке из Се-зуана». Летчик без неба. Жестокого дитя жестокого мира. У него отняла небо, но и он готов отнять последний кусок хлеба — у кого? Да у кого угодно — чтобы вернуть себе небо.

Я посмотрела этот спектакль еще раз после премьеры «Пугачева».

Я услышала в монологах безработного летчика интонации Пугачева, а в интонациях Пугачева чувствовались ноты Ян Суна. Остро современная стихия Губенко сблизила то, что, казалось бы, невозможно сблизить. Пугачев стал где-то сродни «рассерженному молодому человеку», почти битнику. Пугачев конечно, оказался в проигрыше. Роль стала любопытной заявкой.

...Встретиться с Николаем Губенко оказалось нелегко.

ЭПИЗОДЫ И РОЛЬ

Он летал на самолетах и мчался в экспрессах.

Но почему, собственно говоря, исчез этот актер с экрана после талантливо сыгранной роли Кольки Фокина в фильме Хуциева «Мне двадцать лет» и до того времени, когда он всех поразил своим Блюхером в «Пароль не нужен»?

Тогда у меня состоялся довольно любопытный разговор с Губенко. Я его спросила, зачем ему нужен театр.

— Для меня это прежде всего тренинг. Надо быть в форме.

— А почему вы работаете в кино? Вас не утомляет мотаться из города в город, со съемки на съемку, пересаживаться с самолета на поезд, а с репетиции — снова на самолет? Вам не кажется, что это в какой-то мере распыление себя?

— Нет. Не кажется. По-моему, это просто необходимо. Тем более, если это возможно. Кино мне необходимо, потому что в театре меня многое не устраивает.

Признаюсь, меня тогда неприятно поразила такая житейская трезвость в таком еще молодом человеке. Театр ему нужен для тренинга, кино — для чего? Для заработка, что ли?

Впрочем, не будем моралистами. Действительно, молодые актеры мало получают — нет еще ни званий, ни стажа. Действительно, молодые актеры много, очень много, иногда слишком много снимается, и некоторым из них это идет во вред. Но это зависит уже целиком и полностью от самого актера.

Я вспомнила о тех своих разговорах с Губенко, когда прочла в «Комсомольской правде» статью об актерах — «Звезды вне экрана». Помню, я

все тогда внушала Губенко, что, мол, судьба его драматична, что вот он в свое время должен был играть в театре роль Галилея, но отказался от нее в пользу кино, а в кинематографе тогда ничего не вышло. Что широкой публике имя его — по мнению всех профессионалов, одного из самых наших талантливых актеров — почти неизвестно. И что все это несправедливо — эпизоды, эпизоды, эпизоды.

Он тогда сказал:

— А не слишком ли вы густили краски? Так ли уж много драм в моей жизни, или, как вы говорите, «трудный совпадения»? У кого не бывает! Не делайте из меня ни героя, ни неудачника. Я актер, работаю. Хочу работать больше — как все. А если что-то не получилось сегодня — ну, что же, получится завтра...

Во второй раз мы встретились с Губенко совсем недавно, когда он был, как говорится, на коне. На экран выходил фильм «Директор» — тот самый, ради которого он когда-то пожертвовал и Галилеем, и театром вообще. Впрочем, «жертва» здесь, пожалуй, самое неподходящее слово. Скорее опять

таки трезвый расчет. Губенко поставил на «Директора».

В этом фильме актер играет энтузиаста — неистового, яростного, сурового. Потому что время было такое — суровое. Его Звoryркин весь стоит на земле. Простым матросом в бушлате и тельняшке приходит он на завод, будущий первенец советского автомобилестроения. Становится здесь директором, но не меняется при этом абсолютно. Остается все тем же максималистом во всем.

Он сам ведет автопробег в пустыне, сам взрывается в песчаное ее чрево, сам сжигает себя солнцем и жаждой, сам на собственной шкуре испытывает свое дитя — первый советский грузовик.

Наверное, о фильме «Директор» будут спорить. Будут спорить и об игре Губенко — она и вызывает на спор. Так он играет.

Снимаясь в фильме, Губенко окончил режиссерский факультет ВГИКа и готовился к самостоятельной постановке.

Я спросила его:

— Скажите, ну, а если бы не вышло с «Директором», ведь все бы осталось по-прежнему? Или нет? Как бы сложилась ваша судьба, как вы считаете?

— Видите ли, это действительно очень модно — говорить о том, что, мол, актерами правит случай, что хорошие актеры годами дожидаются роли, а многие так и уходят с экрана, ее не дождавшись. И все-таки я уверен — не было бы директора, были бы другие роли. За последний год я получил три ошеломительных предложения, и среди них даже такое, как сыграть Ленина. Я счел себя неготовым к этой огромной работе. И сделал, по-моему,

правильно. И все-таки я твердо знаю, что без роли не остался бы и не останусь.

— То есть вы хотите сказать, что актер — не такая уж щепка в игре стихий, что он может в способе как-то управлять своей судьбой?

— Убежден. Поэтому все разговоры о том, что актеров не снимают, не кажутся мне в достаточной степени убедительными.

Когда-то я работал в театре и вместе с тремя-четырьмя другими актерами буквально «тащил» на себе репертуар. Вы знаете, что это такое? Это значит — с десяти до двух и с шести до десяти каждый день ты «занят в упор», до основания. Остается крошечный отрезок времени где-то часа в три, когда едва-едва ты успеваешь прочитать газету, проглотить обед и дух перевести. Признаюсь, за годы вот такой работы в театре я не прочел десяти — пятнадцати книг. Я работал на износ.

— Весьма нетипичное заявление, знаете ли. Как правило, считается, что актер театра образованнее, эрудированнее актеров кино.

— Я говорю о себе и о своем театре. Маститый артист играет шесть спектаклей в год. Мы — в каждом спектакле.

Тогда я понял, что так больше нельзя, что надо выбирать между театром, кино и ВГИКом. За год учебы во ВГИКе и съемок в одном фильме я узнал об окружающем меня мире в десять, во сто раз больше, чем за все годы работы в театре.

— И все же для того, чтобы как-то руководить своей судьбой, вы пошли в режиссуру?

— Во-первых, я никогда не буду сниматься как актер в собственных фильмах — по-моему, это невозможно, нужен контроль со стороны. Во-вторых, актер и режиссер — абсолютно разные профессии. Но — да, конечно, вы правы — мне захотелось что-то попробовать в искусстве самому и по самому большому счету. Я работал в театре и в кино со многими интересными людьми, и все-таки всегда оставалось какое-то неудовлетворение. Думалось: а вот здесь бы я сам снял иначе.

С режиссером пошлешь, отстаиваешь свою точку зрения — и все-таки режиссер фильма он. Никуда от этого не денешься. Вот и сейчас в «Директоре» сам бы я, как режиссер, многое сделала иначе, особенно в первой серии, вторая, вся представляющая собой единый эпизод — автопробег, кажется мне удачнее.

В целом же это для меня очень интересная, крупная работа. Но, повторяю, не было бы этой — были бы другие роли...

Когда я написала эту статью, я показала ее Губенко. Вежливо указала, что он может, в общем-то, править только свои слова — не мои.

— Что-то я получился у вас чересчур уж настырный, расчетливый, вроде барышника из «Дворянского гнезда». Нельзя ли меня немного — как бы это сказать — улучшить, что ли?..

Наверное, это было сказано в порядке шутки. А может, и впрямь Губенко выглядит у меня так? Я пыталась представить его таким, каким увидела, — не настырным, но пористым. Не расчетливым, но достаточно уверенным в себе, в своих силах, твердо знающим, что он может в искусстве, и добивающимся максимума этого возможного.

Мы сидели в ожидании просмотра в одном из вестибюлей пугающего своими просторами телецентра. Мимо проносились, возносились и мягко приземлялись на лифтах работники телевидения. Многие узнавали Губенко — учились вместе во ВГИКе, — интересовались, как дела.

Здесь я посмотрела две учебные режиссерские работы Губенко — общим «весом» в шесть частей, — то, что он представляет на диплом. Об этом можно спорить. Но, думается, это настоящее кино, трудное, тяжелое, выстраданное, но свое.

Нынче на экраны выходит «Директор». Роль Алексея Звoryркина в нем играет Николай Губенко, пока актер, завтра — режиссер. Может быть, он все-таки прав, и не все в этой сложной кинематографической жизни зависит «просто» от случая?

Вал. ИВАНОВА.

11 ИЮН 1970

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПРАВДА
Г. МОСКВА